

— Я хотѣла, чтобы вы напились у меня кофе, — сказала Жюли. — Но если нельзя ждать, мы поѣдемъ. Вы увидите, Раиса, что Евѳимій — знатокъ человѣческаго сердца, и онъ скажетъ все. Онъ проникательный. Его душа — море благодати. Побесѣдуешь съ нимъ, и такъ легко. Его молитва всегда доходитъ.

Она вторично поцѣловалась съ гостьей, нѣжно взявъ ее за расплѣтѣвшую талію. Раиса, вслѣдствіе частаго обращенія съ Жюли, привыкла къ ея языку и почти все понимала. Если же чего не разбирала, то это перетолковывала къ выгудѣ Жюли и видѣла въ неопредѣленности шепелявящихъ звуковъ рѣчи Жюли какую-то особенную значительность.

Схимникъ Евѳимій былъ полный, приземистый старикъ, съ сѣдой огромной бородой и простымъ русскимъ лицомъ. Слава о его прозорливости и силѣ распространилась только недавно, но къ нему уже ѣздило и ходило множество народа. Раиса и Жюли застали цѣлую толпу людей на тѣсномъ монастырскомъ задворкѣ, гдѣ стояла келія Евѳимія. Хорошенькій черноволосый мальчикъ, въ подрясникѣ, ввелъ дамъ къ схимнику.

Раиса увидѣла столъ, на которомъ стоялъ самоваръ и выпускалъ изъ себя струи пара. Подъ образами сидѣлъ полный монахъ и что-то говорилъ молодому армейскому офицеру съ худыми щеками и съ русой бородой.

Хотя Жюли предупреждала Раису, что Евѳимій чрезвычайно простъ, но ей все казалось, что надо, войдя въ келію, сдѣлать что-нибудь религіозное, и она, краснѣя и думая, что, можетъ, это неловко, перекрестилась на иконы.

Евѳимій какъ разъ кончилъ разговоръ съ офицеромъ и отпустилъ его, дотронувшись чуть-чуть до его головы, когда офицеръ нагнулся къ его рукѣ.

По уходѣ офицера, Евѳимій, поблагословивъ дамъ, предложилъ имъ сѣсть и, если угодно, напитокъ чаю.

— Только ужъ не взыщите, — сказалъ онъ пѣвучимъ, старческимъ голосомъ: — изъ стакановъ не люблю пить — чашки. Это вотъ княгиня Козловская подарила мнѣ сервизикъ. Говорить, что высокой цѣны, что саксонскій фарфоръ. Триста рублей заплачено! Ну, пусть его служить службу! Вѣдь ужъ если заплачено, денегъ не вернешь!

Онъ налилъ двѣ чашки чаю, и мальчикъ въ подрясникѣ поднесъ ихъ дамамъ.

— Неужели, — продолжалъ схимникъ: — чай вкуснѣе дѣлается, если фарфоръ? А если простая глина?

Онъ вопросительно и пронижовенно посмотрѣлъ на Жюли.